

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П27

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

В оформлении обложки использована фотография:
© Maya Kruchankova / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Только ты одна / Евгения Перова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Осенние романы).

ISBN 978-5-04-116425-6

Лера и Юрий, вырастив сына, через двадцать с лишним лет осознали, что вместе их ничего не держит. А вскоре Юра влюбился в другую. И Лера, узнав об измене мужа, подала на развод и решила начать новую жизнь: сменила работу, встретила мужчину. Но пришло ли к обоим счастье, к которому они стремились? Ведь проблем после развода обнаружилось еще больше...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116425-6

© Перова Е., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Волковы-
Зайцевы

ГЛАВА 1

ИЗМЕНЩИК КОВАРНЫЙ

Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе!

7

Народная песня

Спать хотелось ужасно, но Лера решила дождаться мужа. Она только что увидела его в новостях: корреспондент рассказывал о премьере оперы в Большом театре, недавно открывшемся после реконструкции, и на заднем плане среди публики Лера заметила Юрку. Вот это да! На оперу пошел, надо же — и ни слова не сказал. А ведь он терпеть ее не может.

Услышав вопрос Леры, муж вдруг вспыхнул:

— А что тебя так удивляет? Почему я не могу пойти в театр?

— Но ты же...

— Что — я же?

— Почему ты меня не взял? Я бы с удовольствием...

— Тебя?

Лера похолодела — муж смотрел на нее чуть ли не с ненавистью. Он рванул галстук с шеи и отшвырнул:

— Да ты посмотри на себя! В кого ты превратилась? С тобой же стыдно в люди выйти!

— Юр, что ты говоришь такое?

Лера взялась за горло — вдруг стало трудно дышать. Она уже давно не была той хрупкой малышкой, которая когда-то так понравилась Юрке, — к сорока годам сильно поправилась и никак не могла сбросить вес. Да и не такая уж она и толстая, всего-то семьдесят килограмм! Ну хорошо, семьдесят пять. Конечно, для ее роста — метр шестьдесят — это много, но Лера ничего не могла с этим поделать, как ни старалась. Ела очень мало, но никак не худела. И Юра все это прекрасно знал.

— Что ты на меня уставилась? Ты в зеркало посмотри. Просто жаба какая-то!

Но Лера смотрела на мужа: высокий, стройный, красивый, он выглядел гораздо моложе своих сорока пяти. И сам хорош, и костюм у него просто шикарный. Лера представила себя: маленькая, толстенькая, ноги буквой «икс», на голове невразумительные лохмы. Конечно, он прав. Ей хотелось плакать, но она улыбнулась и сказала:

— Ну ладно, расскажи хоть, как оно было. Тебе понравилось?

— Да не буду я ничего рассказывать. Что ты пристала? Я устал. И жрать хочу!

— Что ты орешь? Сейчас подам.

Он никогда не поправлялся. Все сгорало, как в печке. И Лера испытывала невероятные страдания, готовя бесконечные котлеты, рулеты, запеканки и солянки. Сама она питалась обезжиренными йогуртами и салатными листиками. У нее засосало под ложечкой: последний раз

Лера ела в шесть, а сейчас было почти двенадцать. Но подать она ничего не успела, потому что в дверях появился их сын. Он мрачно посмотрел на родителей:

— Развлекаетесь? Может быть, папочка, ты перестанешь скандалить и просто скажешь, в чем дело? Учти, я все знаю!

Федор уже полгода жил отдельно, на их старой квартире, но Лера никак не могла к этому привыкнуть и страшно скучала. Длинный, странно постриженный, с дурацкой серьгой в ухе и татуировкой на предплечье — господи, когда ж он вырос? Ведь совсем недавно на руках носила!

Федя прошел на кухню и сел рядом с матерью. Лера мгновенно успокоилась и прислонилась к плечу сына, с некоторым изумлением наблюдая происходящие с мужем метаморфозы: только что пылавший от негодования, он вдруг побледнел, окаменел и чуть ли не уменьшился в росте.

— А в чем дело? — спросила она, переводя взгляд с мужа на сына. — Юр? Фель?

Юра открыл было рот, но махнул рукой и опустил голову.

— Что, не хватает смелости признаться? — зло усмехнулся сын. — Тогда я скажу.

— Да что случилось-то?

— Дело в том, мама, что он завел себе девушку.

— Девушку? Какую девушку? — Лера все еще не понимала.

— Мама! Любовницу!

— Любовницу?

Так вот в чем дело! И почему она раньше не догадалась? Ведь Юрка давно ее шпыняет, придирается без конца: то не так, это не эдак! Ну да, почти сорок пять мужику. Бес в ребро.

— И кто она? Это с ней ты в театре был? Юра?

Но ответил опять Федор:

— Моя ровесница, представляешь?

— Блондинка?

— Да нет, брюнетка. Такая красотка, ноги от ушей! Мам, ну не надо...

Лера закрыла лицо руками, плечи ее тряслись. Юра сморщился и отвернулся. Но когда Лера подняла голову, оказалось, что она смеется.

— Мам, ты что?

— Да смешно же! Федь, ты только представь: голова, уши, а потом сразу ноги. Монстр какой-то.

Федя, не выдержав, тоже засмеялся, а Юра вдруг ожил и, опять страшно покраснев, заорал:

— Придурки!

И вылетел из квартиры, хлопнув дверью. Стало очень тихо. Лера разглядывала свои руки — короткие пальцы, никакого маникюра. А у той девицы наверняка и руки ухоженные, и кожа атласная, и волосы струящиеся, как в рекламе шампуня. И ноги от ушей.

— Мам, ты только не плачь. Зря я сказал, да?

— Ничего, все нормально. А ты чего приехал-то?

— У меня вся еда кончилась.

— Бедный. Сейчас я тебя покормлю. Суп будешь? У меня фасолевый.

Федя тоже все время ел, так что Лера по-прежнему готовила на двоих мужиков, причем у каждого были свои любимые и ненавистные продукты, и Лера изошрялась изо всех сил, пытаясь угодить обоим. Федя обожал картошку во всех видах и не выносил брокколи, а муж мог есть борщ или харчо даже на завтрак, но любил разнообразие. Поэтому Лера делала много разных заправок для бульона и замораживала их впрок, чтобы потом быстренько изобрести совершенно новый суп. Еще хорошо, что сын сам приезжал за едой, и Лера старалась не думать, как Федор разъезжает по Москве на своем невероятном мотоцикле.

Лера разогрела суп, а картофельная запеканка была еще теплая. Достала сметану, запеченное мясо, маринованные огурчики, которые он так любил. Федя наворачивал суп, поглядывая на мать, а Лера рассеянно смотрела на сына: надо же, какая у него затейливая прическа! Волосы у Федора были темные, густые, шевелюра богатая — как у нее самой. Федя выбрил себе полосками виски и затылок, но волос все равно осталось еще много: когда он развязывал смешной хвост на макушке, волосы спадали двумя волнами, закрывая выбритые виски. Вырос мальчик. Можно гордиться: умный, самостоятельный. И красивый. Как отец.

— Федь, а откуда ты знаешь про девушку? — внезапно спросила она, и Федор вздох-

нул: теперь он страшно жалел, что вылез с разоблачениями, но уж больно взбесило его отцовское хамство.

— Да случайно получилось. Мы недавно тусовались вместе в одном клубе, она подруге хвасталась, а я рядом сидел.

— А может, это и не он вовсе?

— Он! И зовут Юра, и фирма та же. Я специально выпросил — приврал, что хочу поехать в круиз. Она так распелась, словно фирма ее собственная.

— Может, она там и работает?

— Нет.

— И что, у них с Юрой все так серьезно?

— Замуж собралась. Ей подруга говорит: «Будешь семью разбивать?», а она: «Легко! Он у меня из рук ест».

Федя вспомнил, как красotka выразительно похлопала ладонью по бедру, обтянутому плотной джинсовой тканью: «Я ему только свистну: к ноге! Тут же прибежит и хвостиком завилает». Но матери он не стал это рассказывать.

— Mam, я останусь? А то поздно уже.

— Конечно, оставайся, — машинально ответила Лера, все так же рассеянно глядя в пространство. Потом протянула руку, вытащила из банки огурчик и звучно хрумкнула, откусив. Подумав, отрезала кусок мяса, намазала горчицей и съела. Прожевав мясо, Лера поднялась, достала тарелку, положила себе картофельной запеканки, щедро слобрила сметаной... Федя смотрел, вытаращив глаза:

— Ты же не ешь такое!

— Теперь ем. Федюш, тыпустишь меня к себе пожить? Только до мая. Потом я на дачу съеду.

— Мам, что ты спрашиваешь? Конечно, живи! Я только захламил там слегка, надо бы прибраться. А ты что — решила уйти? Зачем? Пусть он уходит!

— Федя, я не могу тут оставаться. И его видеть не хочу. Я вещи соберу, а ты вызови мне такси, ладно?

— Так ты прямо сейчас? Мам, ты что? Ночь уже! Давай до утра отложим.

Лера посмотрела на часы — ну да, второй час. Пока она соберется, пока доедет...

— Ладно, тогда утром.

Федя чмокнул мать в щеку и тревожно заглянул ей в глаза. Он считал себя вполне взрослым и самостоятельным, но первый же удар судьбы отбросил его назад в детство, когда мама так хорошо все понимала и тут же кидалась спасать, утешать и воодушевлять. И он даже не подумал, что теперь ему самому придется спасать маму.

Эта мысль пришла к нему не сразу: заснуть Федор не мог и невольно прислушивался к происходящему в квартире — мать долго не ложилась, потом все стихло, но... Что это за звуки? Она плачет? Федя встал и поплелся к матери — как ее утешать, он решительно не понимал. Да и чем утетишь, если отец оказался такой сволочью. Девица, конечно, очень красивая, тут не поспоришь. Но какая-то неприятная.

А Лера рассеянно побродила по квартире, словно прощалась. Да ведь и правда проща-

лась! Все здесь было сделано если не ее руками, то по ее выбору и указаниям. Старый дом, две объединенные коммуналки, куча денег, два года ремонта — и вот вам роскошное жилище с тремя спальнями, гостиной, кабинетом и большой кухней-столовой. Вот этот шкаф с инкрустацией она увидела в антикварном магазине и загорелась, хотя цена впечатляла, да еще и за реставрацию пришлось заплатить, но оно того стоило. Вся мебель была светлой, Лера так хотелось. Кроме кабинета, в котором преобладало красное дерево. Особенно она гордилась шторами — в каждой комнате были свои, в тон обоям и обивке. Впрочем, Лера почти все время проводила на кухне, а по комнатам проходила только с пылесосом и тряпкой. Кухня была попроще и поуютней. Там всегда вкусно пахло корицей и свежемолотым кофе, а когда Лера запекала мясо, пряные ароматы расплзались по всему дому. Она любила готовить, хотя почти ничего из приготовленного не ела. А чем ей еще было заниматься? Сын вырос, муж все время занят на работе... Муж!

Лера снова расстроилась. Пошла в ванную, влезла под душ и поревела вволю. Вернувшись в спальню, она скинула халат и взглянула на свое отражение в большом зеркале: ну да, все так и есть — нескладная фигура, ноги буквой «икс», складки жира на боках, а на лицо лучше вообще не смотреть. Действительно, во что она превратилась? Двадцать лет назад она была легкая, как перышко, все косточки наперечет... Лера улеглась в постель, накрылась с головой

одеялом и снова заплакала, ощутив мучительный приступ горя, обиды и злости. Совершенно забыв про сына, спящего в соседней комнате, Лера рыдала в голос: «На что я потратила свою жизнь?! На что-о...»

— Мам, не надо!

Прибегавший Федя обнял ее, и Лера вздрогнула от неожиданности.

— Зайца, не плачь! Пожалуйста!

Лера тут же села, вытерла зареванное лицо и тоже обняла сына:

— Не буду, не буду. Прости меня, Медвежонок.

Лера ненавидела свое имя: Элеонора Зайцева, просто кошмар. Да еще Михайловна. Когда они с Юркой собрались пожениться, друзья подначивали: а вы возьмите двойную фамилию: Волковы-Зайцевы — это ж прямо басня Крылова. И даже дали Лере с Юрой общее прозвище «Ну, погоди!». Юрка нисколько на волка не был похож, а вот Лера — вылитый мультяшный заяц. Это был ее коронный номер на Новый год: нацепить ушки и спеть тонким заячьим голосом: «О, соле мио!» — все так и рыдали от смеха. Вслед за друзьями муж и сын тоже стали звать Леру Зайцем. Сам Федя был Медвежонок, хотя Юра и посмеивался: «Разве это Медвежонок? Худоба одна». Они с отцом устраивали шуточные драки подушками, и Федя в пылу сражения кричал: «Я сильный, сильный! Но легкий». Внешне Федя мало напоминал Винни-Пуха, скорее был похож на Тигру с его прыгучестью, но в характере мальчика и правда было